

КАТЕРИНА
ЛАЗАРЕВА

Свадьбы.
Я НЕ ОТПУЩУ
ТЕБЯ

Катерина Лазарева

Сводные. Я не отпущу тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68458972

SelfPub; 2022

Аннотация

Сводный брат меня ненавидит. И всё бы ничего, я тоже от него не в восторге и не стремлюсь сближаться... Вот только, кажется, он как раз стремится. Его слова леденят презрением, поступки выбивают неоднозначностью, а взгляды прожигают запретным предвкушением.

Содержание

Глава 1. Макс	4
Глава 2. Мила	14
Глава 3. Макс	27
Глава 4. Макс	35
Глава 5. Макс	40
Глава 6. Мила	46
Глава 7. Мила	53
Глава 8. Макс	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Катерина Лазарева

Сводные. Я не отпущу тебя

Глава 1. Макс

Офигеть просто. Не то чтобы я ждал какого-то супер приёма, но как бы предупреждал, что сегодня приезжаю. И даже время говорил.

Но отцу, строго бдящему за моей успеваемостью в школе, похоже, пофиг, что единственный сын всё-таки окончил универ в Москве. И не какую-нибудь шарагу, а престижный, вроде как третий в списке по крутизне. Хотя мне на это наплевать, я в столице больше работал и налаживал связи, поэтому особо и не приезжал в родной Саратов. Не только поэтому, конечно... Скажем прямо, не тянуло.

Да и сейчас можно было не приезжать, судя по всему. Уж не знаю, почему решил провести отпуск здесь, ну да всегда можно передумать. Потому как мало того, что мне после звонков в дверь никто не открыл и я еле нашёл свои ключи, так ещё и в холодильнике пусто. Какой-то салат с морепродуктами только и несколько фруктов. Так себе еда для голодного с поезда меня. Прикончил и даже не заметил.

Ну нафиг. Пойду лучше прошвырнусь куда-нибудь, заодно и поем нормально. Надо будет с Лёшей встретиться, всё-

таки друг со школы. В Саратове оставался всё это время.

Уже собираюсь закинуть вещи к себе в комнату и выйти, как вдруг замираю у ближайшей к ней двери. Она закрыта. И эта комната, насколько я помню, принадлежит моей так называемой сестрёнке. Сколько ей там сейчас должно уже исполниться? Когда уезжал в Москву, было тринадцать. Но у неё там днюха вот-вот намечалась, а значит, сейчас не семнадцать, а восемнадцать уже.

Неожиданно пронзает желание узнать, а во что превратилась эта пигалица. Совсем мелкой была в свои почти четырнадцать, там и десять дать можно было. Что сейчас? Мамаша у неё красивая была, хоть и дрянь. Ну да ладно, о мёртвых вроде только хорошо надо.

И сам не замечаю, как подрываюсь в комнату к своей так называемой сестрёнке. Резко распахиваю дверь, а потом растерянно замираю. Оказывается, она дома. Судя по всему, в наушниках. Стоит возле зеркала, пританцовывает. Сплошные беззаботность и самолюбование.

Ладно, признаю, любоваться там есть чем. Внезапно оказывается, что девчонка всё-таки выросла и сформировалась. Настолько, что слегка подвисаю и не сразу узнаю. По белокурым локонам, разве что. Лица пока не вижу, но довольно аппетитная задница, обтянутая шортиками и ритмично покачивающаяся, стройные ноги и выделяющаяся талия заставляют меня нервно сглотнуть ком в горле. Даже слегка трясую головой, сбрасывая наваждение. Я что, всерьёз тут зависаю

и неотрывно пялюсь на эту дуру?

Накрывает злостью. И на себя, что стою и чуть ли не млею при виде так называемой сестрёнки, как будто никогда девочек красивых не видел. И на неё – нашла время кайфовать от музыки и себя. Вслух бы негромко включила, раз уж ей приспичило, когда одну дома оставили меня встречать. Ни продуктов нормальных, ничего. Даже дверь открыть не соизволила.

В секунды преодолеваю расстояние между нами и жёстким движением снимаю с неё наушники. Благо, они с проводами, потянуть было легко. Девчонка от такого неожиданного жеста аж подскакивает, испуганно разворачивается ко мне и распахивает глаза в неподдельном изумлении.

Офигеть она красивая. Это почему-то первая мысль, что приходит мне на ум. Ведь сестрёнка стоит совсем близко, так, что чувствую её сбивчивое дыхание, какой-то ягодный запах и почти теряю голову. Неожиданно Мила изменилась, но это потому, что я все четыре года никак с ней не пересекался.

– Ой... – растерянно пищит она, всё ещё глядя на меня пугливо. – Ты... Это ты... Здесь...

Что за бессвязный поток сознания? Такое ощущение, что сестрёнка сейчас приведение видит перед собой. Шокированная и оробевшая, будто это не она несколько минут тут жопой крутила, забив на то, что я вот-вот приду.

– Отец не предупреждал, что я приеду? – я собирал-

ся спросить насмешливо, но на полпути голос меняется на жёсткий.

Потому что я прекрасно вижу ответ в глазах Милы, которая, кстати, уже отходит от меня подальше. Ну а я не двигаюсь даже.

– Нет, – она говорит с долбанным сочувствием в голосе. – Наверное, забыл мне сказать, у него в последнее время много дел и...

Я не слышу, что Мила там заливает дальше. Словно гложу в этот момент. Да и неинтересно мне, какие там оправдания она придумала моему папаше. И уж тем более бесит эта мягкость в её голосе. Ещё не хватало мне жалости от чужой девчонки. Которая, кстати, может уже сваливать из семьи – восемнадцать ведь исполнилось. Или она рассчитывает всю жизнь сидеть на шее моего отца только потому, что десять лет назад он сношался с её матерью?

– Я сделала себе салат, но ты можешь...

– Зато у тебя, я смотрю, вообще нет никаких дел, кроме как вертеться перед зеркалом, – я говорю почти параллельно с её последней, всё-таки донесшейся до меня фразой. Невпопад, получается, слово своё вставил. Но наплевать.

Мила краснеет. Нет, серьёзно, она смущается? Щёки ощутимо покрываются румянцем.

Сжимаю челюсть. Я реагировал на эту девчонку, когда она была совсем мелкая – но это объяснимо, учитывая обстановку, в которой мы росли. Но почему сейчас у меня внутри ко-

выряет и дербанит всё от одного её присутствия?

– Твой салат я уже съел, – хмуро сообщаю, всё равно сестрёнка, кажется, больше ни слова из себя не выжмет.

Небось думает, сколько я успел увидеть. Никак не перестает мяться. Может, она ещё и девственница до сих пор?..

Подавляю явно лишнее желание прижать её к ближайшей стенке, смутить ещё больше, раздражить так, чтобы выяснить наверняка.

Наплевать. Милы здесь вообще не должно быть, вот и всё.

– У тебя сегодня выходной? – многозначительно и с нажимом интересуюсь.

– В смысле? – озадаченно переспрашивает она, даже забыв о свих танцах перед зеркалом.

– В смысле, тебе уже восемнадцать, насколько я понимаю, – холодно обозначаю. – Самое время начать обеспечивать себя самостоятельно, а в перспективе и съехать из этого дома. Ты ведь уже начала работать?

Мила вздёргивает подбородок и неожиданно смотрит мне в глаза странным вдумчивым взглядом.

– Нет.

И всё? Никаких объяснений? Просто долбанное «нет»?

Она смотрит чуть ли не с вызовом, будто в своём праве, а я цепляюсь на ровном месте.

– Ну так иди ищи работу, – с трудом подавив раздражение, всё тем же отчуждённо суровым тоном велю я.

Херня в том, что мы с ней оба прекрасно понимаем, за

какой сценарий будет мой отец. Он что в детстве с неё пылинки сдувал, а меня воспитывал в строгости, чтобы «мужиком рос», что сейчас, видимо, так же. Иначе эта пигалица не смотрела бы с такой уверенностью.

Даже не жду от неё ответа. Разворачиваюсь и ухожу. С отцом попробую поговорить, насколько это адекватно половозрелым мужчине и девушке жить под одной крышей, не имея родства. Может, он теперь и на дочь своей погибшей жёнушки позарился?

– А ты насколько приехал? – неожиданно слышу вслед.

Если сестрёнка и пыталась скрыть настороженность в голосе, то офигеть как неумело. Отчётливо слышу, что мне тут не рады.

– Насколько понадобится, – не оборачиваясь, бросаю.

Да, свалить хочется уже сейчас, но это с одной стороны. С другой... Пусть Мила не расслабляется.

Возвращаюсь поздним вечером. Уже темно на улице. Ещё только разуваясь в коридоре уже улавливаю – отец дома. Видно по обуви и небрежно брошенной джинсовой куртке. Лето во дворе, жара даже. Нафига было вообще брать верхнюю одежду?

Впрочем, это фигня. Мелочь, за которую я бы и не стал цепляться, если бы вдруг снова всё не начало бесить. На встрече с Лёхой всё было круто, а теперь, дома, снова чув-

ствую себя чужим. Да, вроде не привык нуждаться, но и изгоем в собственной семье быть такое себе. За четыре года в Москве уже успел отвыкнуть от этого чувства.

Захожу на кухню – слышу, что отец там.

– И где ты был? – бесстрастно спрашиваю, когда мы пересекаемся взглядами.

Он смотрит без малейшего тепла. Отец вообще всегда мной недоволен, что бы я ни делал. Хоть наизнанку вывернусь. Впрочем, я этого как раз не делаю и не собираюсь, чем, наверное, бешу его ещё больше.

– По делам ходил. Ты надолго сюда?

Знакомый вопрос. И даже интонации почти те же.

– Насколько понадобится, – хмуро повторяю свой недавний ответ. И зачем-то добавляю: – Это что, проблема?

– Нет, конечно, – отец спохватывается и даже вроде как смягчается. – Просто у Милы поступление в актёрский скоро, она должна заниматься. А сегодня почти не уделяет этому время. Что ты ей наговорил?

Зашибись. То есть я, его родной сын, тут лишний, потому что какая-то посторонняя девчонка не может сосредоточиться на поступлении... В актёрский? Она для этого задницей виляла возле зеркала? Не, ну так-то нормальная репетиция. Смотря через что пробиваться.

Ухмыляюсь напряжению отца. Он настолько парится по поводу Милы, что даже и не замечает, насколько недвусмысленно опроверг своё «нет, конечно» в следующих словах.

Забавно, что у него даже сомнений нет, что я виной угасанию настроения сестрёнки. Отец что, никак не может простить мне скандал с его жёнушкой за несколько дней до её смерти? Впрочем, в прощении я не нуждаюсь. Да, сейчас стал бы действовать иначе, но тогда, в двенадцать, руководствовался эмоциями.

– Ничего такого. Лишь напомнил, что в её возрасте пора бы и работу найти, – небрежно сообщаю я.

Отец чуть ли не багровеет от таких новостей.

– Что? – он аж наклоняется ко мне, опираясь о стол, на котором, кстати, пусто. – Ты серьёзно?

Игнорирую этот уничтожающий тон. Какой-то долбанный цирк. Эта Мила такая неженка, что даже слова о работе настолько её ранили? Может, в её присутствии и дышать надо как-то иначе? Хотя не удивлюсь, если папаша так и делает.

– Да, – отрезаю. – И странно, что тебя это удивляет. Или ты собираешься до конца жизни обеспечивать взрослую чужую женщину? Причём даже не трахая её?

Глаза отца вспыхивают сначала ошеломлением, а потом такой яростью, что я даже не удивлюсь, если впервые в жизни нарвусь на его кулаки. Но, по крайней мере, по реакции понятно – исключено, что он теперь на дочурку своей лживой пассии запал. Относится к ней, как к ребёнку погибшей жены. Благородно, наверное. Но от этого не менее тошно.

– Я не буду комментировать этот бред, – наконец, переведя дыхание, сдержанно и сурово говорит отец. – Будем счи-

тать, что ты слишком устал с дороги. Уясни одно: я не позволю тебе обижать Милу. Девочке всего восемнадцать, причём недавно исполнилось. Ей сейчас надо думать о поступлении, а не о какой-то там работе. Тем более, при моих финансах.

Хм, ну не сказать, что отец прям шикаует. Так, владеет одним клубом здесь, в Саратове. Прибыли хватает, чтобы не смотреть на ценники в магазинах и несколько раз в год летать на отдых. Но не сверх того.

И дело даже не в этом – деньги семьи я уж точно считать не собираюсь. С шестнадцати обеспечиваю себя сам. Дело как раз в этом. Меня погнали на работу и в возрасте младше, чем у Милы сейчас. Отец пояснял это тем, что воспитывает меня как мужчину, через трудности. И хрен бы с этим, я их преодолевал, вот только перед глазами всё это время мелькал живой избалованный пример его другого отношения. Чужая девка всегда получала от моего папаши всё, что хотела. Причём даже не озвучивая этого.

– Да мне пофиг, как вы тут живёте, – устало говорю, уже собираясь к себе. – Скоро уеду обратно.

Я говорю без раздражения, лишь устало. Отвык чего-либо ждать от отца. Вот когда мелким был – добивался его одобрения, сейчас нафиг не сдалось. У меня своя жизнь. И это я особенно отчётливо чувствую сейчас, когда накрывает ощущением, что сегодня вступил и погрузился в чужую, приехав сюда.

Но, кажется, отца перемыкает. Он делает какой-то жест в

мою сторону, но потом просто зовёт меня по имени.

Разворачиваюсь.

– Тебе тут всегда рады, – отец говорит почти мягко. Так, что даже непривычно. Давно он так не обращался ко мне. – Прости, что не встретил, слишком много дел накопилось.

Я, кажется, даже подвисяю от таких внезапных перемен в его настрое. Сглатываю, не зная, как и реагировать. Как-то проще, когда отец отчуждённый, и мы как бы каждый сам за себя.

– Ага, ладно, – только и выдавливаю в ответ.

– Но я исправлюсь, – не унимается отец и даже примирительно улыбается. – Завтра у меня в клубе будет что-то типа вечеринки в твою честь. Зови, кого хочешь. Я своих друзей тоже приглашу.

Хм, не то чтобы оно мне надо, скорее, в напряг будет. Улыбаться папиным друзьям, изображать веселье при различного рода старичках, а потом делать вид, что мне всё понравилось и я рад?

Не привык притворяться. А потому, хмыкнув, уже собираюсь отмазаться, но натыкаюсь на почти умоляющий взгляд отца. Мне не кажется? Он и вправду так смотрит?

– Ладно, – автоматически соглашаюсь.

Глава 2. Мила

Нерешительно замираю возле двери в комнату Макса. Уже почти полночь, папа лёг спать, а потому именно сейчас идеальное время, чтобы поговорить с так называемым братцем.

Конечно, меня совсем не тянет делать это, но есть острая необходимость. Я просто должна завтра присутствовать на этой клубной тусовке. Причём так, чтобы без происшествий. А если не предупрежу Макса, они вполне могут быть. Я совсем не представляю, чего от него ждать...

Заставляю себя постучать. В его комнате светло, а значит, он не спит. Вот только пока никакого отклика на то, что я тут скребусь.

Стучу ещё громче. У него там тихо, но, может, в наушниках? Или уснул при свете?

Я могу вернуться утром. Найти момент поговорить с братцем, отвести его в сторонку.... В конке концов, папа вряд ли постоянно будет дома. Вот только если моя решимость тает и сейчас, продержится ли всю ночь?

Мне всегда не по себе в присутствии Макса. С самого детства так было, а ведь когда-то хотелось, чтобы он смотрел и говорил со мной иначе... Когда я совсем малышкой была, восхищалась им, считала крутым парнем, взрослым, мужественным, красивым, всё умеющим. Но то было ровно до

момента жуткого скандала с моей мамой. А потом она умерла, и наше совместное проживание с парнем, не желающим быть мне братом, усложнилось в разы.

Он так и не реагирует на мои стуки. И тогда я, глубоко вздохнув, решаюсь открыть дверь и войти сама.

Парочка резких движений – и вот я уже здесь. Макс сидит на кровати, на нём только джинсы. Те самые, в которых он пришёл откуда-то, где был допоздна. Вряд ли собирается спать, иначе бы переоделся... Хотел в ванную?

Сглатываю, безотчётно пробегая взглядом по его торсу. Крепкое тело, подкачанное. Проступают бицепсы и кубики... И вроде бы мне всегда была безразлична мужская внешность, но Макс настолько возмужал, что я растерялась ещё когда ко мне в комнату зашёл. Узнала, наверное, только по взгляду. Он всегда смотрел на меня волком. И ладно бы просто недружелюбие было, но за ним будто стоит что-то, что отзывается во мне болезненным надрывом.

Ой... Кажется, я тут зависаю слегка. И Макс ловит мой взгляд. Пристально смотрит в ответ, причём прямо в глаза, и ухмыляется.

Вспыхиваю от этой усмешки, почему-то напоминающей о том, что так называемый братец сегодня застукал меня не в самый удачный момент. Теперь я, конечно, переоделась, в куда более закрытом виде перед ним. Широкие штаны и футболка. Но от этого совсем не легче, тем более что взгляд Макса неспешно скользит по моей фигуре и становится на-

смешливым. Братец явно обращает внимание, что я теперь выгляжу иначе.

– Ты не спишь, – решаю наконец заговорить.

То ли от долгого молчания, то ли от непонятной атмосферы между нами мой голос звучит хрипловато.

– Как видишь, – безучастно подтверждает Макс.

Я не должна спрашивать. Мне вроде как наплевать, я тут не за этим. Но само собой вдруг вырывается:

– Почему тогда не открыл?

Ведь он слышал мой стук. Никаких наушников или чего-то ещё, способного его настолько отвлечь, рядом не видно.

– Понял, что это ты. Стало интересно, осмелишься ли зайти.

Его ответ вроде как не звучит издевательски, всё так же отстранённо, но я поджимаю губы. Приходится отвести взгляд, чтобы собраться. Не знаю, издевается Макс или непонятно зачем испытывает меня, но становится как-то даже обидно. Тоже мне экспериментатор. Что ещё ему интересно?

– Я слышала, что папа устраивает завтра вечеринку в своём клубе в честь твоего возвращения, – выпаливаю, решив сразу перейти к делу. В предисловиях всё равно нет смысла. – Можно, я пойду на неё?

Макс иронически кривит губы. Подозреваю, что он обо мне думает – то я легкомысленно верчусь у зеркала, не желая работать, то рвусь в клуб на тусовку. Но наплевать. Мне

нет дела до этого человека и его мнения, а скоро он вообще уедет. Ведь собирается?

– Иди, – пауза не длится долго. И я даже не получаю никаких язвительных комментариев по поводу моей просьбы.

Вздыхаю. Мне ведь не столько его разрешение нужно – при желании и так попаду на вечер с помощью папы. Но хочется быть уверенной, что Макс не выкинет что-то, не проявит недовольство от моего присутствия, не потреплет нервы отцу, который старался ради сына...

– В смысле, ты не против? – уточняю, не зная, как получить от братца гарантии, что наше незримое противостояние не станет реальным в этот вечер.

Когда мы были маленькими, Макс не то чтобы задевал меня напрямую. Иногда отбирал у меня вкусняшки, отстранялся от меня в школе, всячески давал понять, что не друг. Но серьёзной опасности я от него не чувствовала даже после его скандала с моей мамой.

Но почему-то чувствую сейчас. В этой усмешке, в блеске, который определённо добавляет враждебному взгляду что-то ещё, тревожащее меня...

– В смысле, мне пофиг, – небрежно отзывается Макс.

Вздыхаю. Разговор получается совсем уж непродуктивным, но останавливаться на этом нельзя.

– И не будет никаких происшествий? – с нажимом спрашиваю, уже не беспокоясь о тактичности.

Гораздо важнее расставить точки и получить прямой от-

вет.

Конечно, Макс улавливает, о чём я. Сердце в груди неожиданно подсказывает, когда он поднимается с места и неторопливыми шагами сокращает расстояние между нами.

– Ты боишься меня, сестрёнка? – вкрадчиво спрашивает, остановившись почти совсем рядом.

Настолько, что меня невольно обволакивает его присутствием и никак не получается отвлечься от того, что Макс наполовину обнажён. Жар стремительно окутывает всё тело, но я старательно держусь.

– А должна? – облизнув пересохшие губы, осмеливаюсь уточнить.

Ведь нельзя уходить без ответа. Папе не стоит волноваться.

Макс криво ухмыляется моей настойчивости, но серьёзуется.

– Да мне пофиг на эту тусовку. Согласился только ради отца. Там в основном будут те, кого я не звал, так что пойдёшь ты или нет, непринципиально. Лезть не буду. Ни в каком из смыслов, – всё это, включая и последнее недвусмысленное предложение, он говорит почти бесцветно. Вот только на тех самых заключительных словах провокационно окидывает меня взглядом с головы до ног.

От этого я почему-то не могу справиться с не к месту охватившим смущением. Неловко топчусь на месте, собираюсь что-то ещё сказать, но в итоге решив, что не стоит. И

даже неважно, почему уже второй раз за день взгляд Макса меня странно волнует.

– Хорошо, спасибо, – пытаюсь говорить в тон ему, без лишней дрожи в голосе. Тут же разворачиваюсь. – Спокойной ночи.

Ответа не слышу, да и не хочу. Мне гораздо важнее, что хоть какую-то уверенность в отсутствии происшествий завтра я получаю.

Можно было, конечно, так и сказать Макс, что у его отца рак в серьёзной стадии. Что нервничать в его состоянии противопоказано. Что хоть он и храбрится, занимаясь делами, бывают моменты, когда прикован к постели и не может совсем ничего. Именно поэтому я не поступаю в Москву и не работаю – чтобы всегда оставаться начеку и страховать. Он уже давно на таблетках и переживал несколько операций. От сиделок отказывается, всё хочет делать сам, но бывают моменты полной беспомощности.

Макс не видел его четыре года, но если был бы более внимательным, мог и заметить на изменения. Так же, как и папа мог бы уже отбросить гордость и рассказать сыну... Но оба ничего этого не делают, а я не вмешиваюсь. Не мне решать. Хотя отца иногда пытаюсь подтолкнуть к разговору с Максом, а вот брата... Мне даже в его присутствии не по себе, что уж про доверительные беседы говорить.

Папа на самом деле постарался, чтобы показать Макс, как его ценит. Словами сказать не может, гордый слишком, да и напряжения между ними хоть отбавляй. Но жест красноречивый. Здесь собирается, наверное, вся элита Саратова. И музыка живая и качественная – рок, как и любит братец. Талантливая местная группа исполняет известные и любимые им песни.

Даже меню сегодня дополненное. Папа всячески даёт понять, что помнит о вкусах сына. И не знаю, как Макс, но я растрогана этими жестами. Хотя они, конечно, не отменяют всего, что было раньше. Насколько я помню из обрывков детских воспоминаний, отношения между ними в лучшем случае отчуждённые. И не скажу, что в этом вина именно брата. Папе было тяжело простить его за скандал с моей мамой, а нежелание Макса признавать вину усугубляло всё.

Но вот именно болезнь отца может отменить прошлое. Только папа предпочитает расстаться с вечеринкой, чем поговорить с сыном по душам. Хотя я уверена, что Макс воспринимает всё происходящее как попытку отца сгладить вину за вчерашнее игнорирование приезда. Но, надеюсь, лёд всё равно хоть немного оттаял. Слишком уж трогательно тут всё организовано...

Я по большей части отсиживаюсь за столиком, с которого открывается максимально широкий обзор. Слежу с папой. Постоянно тереться возле него он бы не позволил – не хочет чувствовать себя беспомощным, да и с друзьями там по

большей части разговаривает. А так хоть и не беспокою, и занимаюсь тем, ради чего пришла. Несколько раз даже танцую, вкусно кушаю, слушаю музыку и в целом приятно провожу время. Папа тоже кажется бодрым и посвежевшим. Макс несколько раз подходил к нему и они о чём-то говорили. Даже обменялись улыбками.

Этому улыбаюсь и я, как вдруг чувствую, что уже не одна за тем самым столиком.

– Боже мой, какая красавица... – слышу восхищённое, когда поворачиваюсь в сторону неожиданно подсевшего парня.

Кстати, у него знакомое лицо. И мне хватает всего несколько секунд, чтобы вспомнить:

– Лёша?

Это ведь друг Макса. Я хорошо помню его, потому что однажды в школе, ещё когда я надеялась подружиться с так называемым братом, Лёша мне очень помог. Помню, я тогда только перевелась в новую школу, ближнюю по месту жительства отчима, которого теперь называю папой. И в тот день одноклассник спрятал мой портфель, пытаюсь надо мной посмеяться. Я тогда очень гордо заявила, что за меня есть кому заступиться и даже узнала, где шли занятия Макса. Нашла его на перемене, а он был с другом.

И если так называемый братец послал меня, сказав, чтобы не лезла к нему по пустякам и вообще больше не обращалась при людях; то Лёша выслушал, что случилось и даже пошёл со мной искать портфель и говорить с тем одноклассником.

Не знаю, что потом на это сказал другу Макс, но поступок я запомнила.

А сейчас уже повзрослевший Лёша так забавно подвисает, пытаюсь вспомнить, откуда я его знаю, что не сдерживаю смешка.

Тогда улыбается и парень. И вроде как даже расслабляется.

– Такая красавица меня знает? – снова настраивается на флирт он. – Польщён.

Ну и пусть его фразы звучат банально, но ведь они искренние. И вижу, и чувствую это. Вообще приятный этот Лёша. Даже странно, что с Максом дружит.

– Да, просто я... – теперь уже моя очередь слегка замяться. Странно, но мне вдруг сложно охарактеризовать свою связь с человеком, которого не считаю ни братом, ни уж тем более, другом. – Я сестра Макса, – всё-таки выдавливаю из себя, хотя это звучит почему-то чуть тише, чем всё остальное.

Но Лёша меня слышит. Тем более что музыка уже не живая, а так, фоновая.

– Ого, ты реально его сестрёнка? – потрясённо переспрашивает он, развернувшись ко мне аж всем корпусом. – Ничего себе ты выросла.

Его живые эмоции и непосредственность определённо подкупают меня. Уже не в первый раз за наше недолгое общение тянет улыбаться. Тем более что меня, оказывается,

тоже помнят. Хотя Макс редко приводил друга в гости, а в школе мы почти не пересекались. Я стала избегать возможности столкнуться с его классом.

– Так уж получилось, – невинно пожимаю плечами.

Мы снова обмениваемся улыбками. Складывается ощущение, будто мы уже давно знаем друг друга – не так, как это по факту есть, а иначе, более близко, что ли. Легко с ним.

И, видимо, Лёша испытывает что-то подобное.

– Ты не против, если я составлю тебе компанию? – непри-
нуждённо спрашивает он.

– Не против, – соглашаюсь, ведь папу из вида всё равно не потеряю. А так, в целом, мне хотя бы будет веселее.

...Рядом с Лёшей время пролетает незаметно. Мы и разговариваем, и вместе подходим и к папе, перекидываемся фразами; и танцуем несколько раз – оба скорее неуверенно, не привыкли делать это на публике. Да и вообще, не такие чтобы танцоры. Но тем приятнее, что у нас это совпало.

И что явно не фанат танцев Лёша каждый из этих разов сам затаскивал меня подвигаться. Догадываюсь, зачем – чтобы найти повод лишний раз коснуться меня. И мне это скорее нравится. Его прикосновения мягкие и ненавязчивые, а тепло обволакивающее. Даже не ожидала, что, оказывается, со всеми этими проблемами зря упускала взаимодействия с парнями. Это приятно – и чувствовать скорее робкие попытки парня быть ближе, видеть его симпатию, общаться и флиртовать...

Папа рассказывал мне про своё знакомство с моей мамой и про то, как вспыхнул к ней сразу. У нас с Лёшей скорее по-другому всё, спокойно. Но тот факт, что я вообще вспоминаю эти слова отца, да и теперь наслаждаюсь вечером, говорит гораздо больше. Незачем подгонять себя под чей-то опыт, да и заранее делать выводы ни к чему.

– Чем ты завтра занята? – с загадочной улыбкой спрашивает Лёша, глядя на меня всё тем же очарованным взглядом. – Я бы хотел ещё встретиться.

Он имеет в виду свидание – это очевидно. Особенно когда до этого легко и непринуждённо общающийся со мной парень чуть смущается будто бы в волнении перед моим ответом.

– Я, наверное, не смогу... – тихо проговариваю и вздыхаю.

Вообще не хочется расстраивать Лёшу и возвращать нас обоих в реальность, где моё свободное время зависит не от меня. Настолько, что даже в школе задерживаться боюсь иногда.

Гуляю, конечно, тоже. Но в основном или с отцом, или когда он надолго на работе. А второе уже намного реже. Вчера, например, папа на обследованиях был перед очередной операцией. Я рвалась пойти с ним, но он на этот раз в принцип пошёл. Потому и нервно музыку слушала весь день в наушниках – она обычно успокаивает.

Новости, к счастью, скорее оптимистичные.

Вот только Лёша напрягается ощутимо и водит меня в

танце уже даже более деревянно, чем до этого. И молчит всё это время.

– Дело не в тебе, – решаюсь первой нарушить молчание, а то парню и без того стоило нервов меня пригласить. – Я была бы рада, просто...

Осекаюсь не по своей воле – нас вдруг резко разрывают друг от друга. Ну, точнее, меня выдёргивают из рук Лёши. Чужая хватка обжигает предплечье, и почему-то даже прежде чем развернуться, я понимаю, чьё это прикосновение.

Часто моргаю, с трудом стою на ногах. Странно смотрит Макс. Даже ещё более непонятно, чем раньше.

– Эм, ты чего? – первым приходит в себя Лёша, пока мы с братцем так и стоим, не сводя друг с друга взгляда.

– У меня важное дело к... сестре, – хм, у Макса тоже сложности с обозначением моей роли? Неудивительно, только вот они во мне вдруг отзываются сжатием сердца в груди. – Не до ваших танцев сейчас. Я задолбался ждать момент, когда вы разойдётесь.

Макс отпускает мою руку на своих последних, чуть более резких, словах. И на меня больше не смотрит, только на друга.

Он, кстати, тоже на меня вопросительно глазеет. Ждёт моего решения.

– Хорошо, пошли поговорим, – стараюсь как можно более невозмутимо обратиться к Максиму.

Ведь я тут из-за папы, а потому уж точно не хочу испытывать терпение так называемого брата. Судя по опасному блеску в его глазах, оно у него и так почему-то на пределе...

Глава 3. Макс

Вообще-то я был достаточно груб с Милой, когда так резко выдернул её из объятий своего друга. Не то чтобы пережестил, но ей могло быть больно. Сам не знаю, что на меня нашло.

Но дело даже не в моей слишком резкой реакции – Лёша не вмешался. Вот вообще. Один вопрос мне, безвольный взгляд на Милу и ожидание, что девчонка сама всё решит.

С одной стороны, оно понятно. Я ему вроде как друг, от меня подлянки не ждёт. Да и сестрёнка на удивление даже не поморщилась, ни тени недовольства. Но с другой... Не знаю, почему-то коробит. Хотя, казалось бы, мне какое дело, что за Милу не заступились, причём передо мной же?

Вроде почти не пил сегодня.

Веду Милу в випзал. Здесь тихо. Сегодня он скорее играет роль зоны отдыха для тех, кому надоест тусовка. Пока мало кому, кстати, – мы тут почти наедине. А если пройдем чуть дальше, то без «почти».

Уверенно иду дальше. Странно, но Мила со мной следует. Что за смиренное принятие любых моих решений? Они с отцом сегодня договорились неестественно угождать мне?

Даже любопытно проверить, насколько. Не останавливаюсь, завожу девчонку аж в самый дальний уголок зала. Здесь не то что никого другого нет, так ещё и мы отделены от

остальной выпки чем-то типа стены.

В этот момент до Милы, кажется, доходит, что я совсем далеко захожу. Во всех смыслах. Она растерянно смотрит, мнётся. Но не уходит.

А я, воспользовавшись тем, что сестрёнка спиной почти о стену упирается, выставляю одну руку чуть поверх её головы. И сам слегка подаюсь в сторону подозрительно притихшей Милы. Серьёзно, такое ощущение, что она и дышит теперь через раз.

Напряжённо смотрит на меня, но всё-таки решается:

– Что за важное дело?

А ведь тихо спрашивает. И не услышал бы, если бы не была так рядом.

Кстати, забавно Мила делает вид, что ничего такого не происходит. Хотя я тут чуть ли не зажимаю её в укромном уголке.

Собственная мысль об этом заставляет одновременно и скривится, и напрячься. Потому наша близость вдруг острее ощущается. Так, что чуть ли не ведёт от неё.

Мила офигительно красива, и это факт. В ней привлекательно всё, начиная от глубоких зеленоватых глаз, чувственных губ, и заканчивая её соблазнительными формами и стройными ногами, которые отлично смотрелись бы вокруг моей талии.

Кстати, девчонка всё ещё молчит, хотя пауза затягивается.

– Сначала скажи, почему ты такая податливая? – не вы-

держав, вкрадчиво интересуюсь, плавным взглядом скользя по хрупкому телу, которое довольно ощутимо дрожит.

Резко отстраняюсь – я не железный, а плыть от этой девки как-то даже унизительно. И наплевать, что с этим действием становится будто бы пусто. Лучше уж так.

– Просто думаю, что по пустякам ты бы ко мне не обратился, – выдавливает из себя ответ Мила, растерянно моргая.

Ухмыляюсь. Фигня в том, что изначально у меня никакого дела к ней не было. Просто достало видеть, как она там окучивает моего друга. Неожиданно взбесило даже.

Зачем-то мажу взглядом по её губам.

– Отец слишком старается, где подвох? – задаю ей вопрос, который напрашивается чуть ли не со вчерашней ночи, вот только упорно не хочет быть озвученным именно ему.

Впрочем, сестрёнка наверняка должна быть в курсе.

Мила заметно тушует. Взгляд отводит, да и вообще подозрительно мнётся.

– Его нет, – чуть ли не боязливо говорит именно в тот момент, когда я начинаю терять терпение. Как почувствовала, только такой ответ не то чтобы успокаивает. – Мне жаль, что у вас такие отношения, что ты думаешь о каком-то там подвохе, но папа правда рад, что ты приехал впервые за четыре года.

Корёжит от этого её «папа». Уверенного, кстати. Как и всё последующее – Мила, кажется, собралась и держится уже го-

раздо более смело. В словах про четыре года так вообще вызов слышится. Укор мне, причём явный.

Но это я пропускаю. Во-первых, пофигу на её осуждение, а во-вторых, что-то тут по-прежнему не так. Паранойей никогда не страдал, поэтому доверяю чуйке.

– Тогда почему не смотришь мне в глаза? – требовательно спрашиваю, когда Мила в очередной раз отводит взгляд.

Странно, в какой-то момент хотел подцепить её подбородок и заставить на меня смотреть – но что-то стопорит. Хотя там вообще по фигне прикосновение было бы. Сам не пойму, почему сдерживаюсь.

Мила громко сглатывает, а потом всё-таки делает над собой усилие и сама поднимает на меня взгляд.

– Потому что ты... странно смотришь.

Этот её только поначалу уверенный, а потом, после осечки, всё более тихий ответ мгновенно возвращает ощущение нашего уединения. Я уже в нескольких шагах от неё стою, а она всё к стенке жмётся, но такое чувство, будто мы рядом совсем.

Мила снова дышит через раз. А я будто захлёбываюсь этим её взволнованным взглядом и попытками сестрёнки его не отводить. Она всеми силами хочет показать мне, что уверенно держится – вот только вижу совсем другое.

– И как я, по-твоему, смотрю? – нарочито пошло ухмыляюсь. Сам не знаю, откуда это стремление продлить её смущение.

И не уверен, что хочу слышать ответ.

– Странно, – повторяет Мила, только на этот гораздо более твёрдо. – Мы не друзья и мне не по себе в твоём присутствии.

Воу какие признания пошли. Вот только моих ответных откровений девчонка боится, на это смелости не хватает. Вижу же, как подрагивает и порывается сказать что-то, чтобы паузу заполнить.

– Кстати о друзьях... – неожиданно вспоминаю я, и наплевать, что не к месту. – Чтобы я больше не видел тебя с Лёшей.

М-да. Я вроде как с другом собирался обсудить, что моя сестрёнка далеко не такой ангелок, каким может показаться с виду. Что яблоко от яблони далеко не падает, и всё в таком духе.

Но какого-то хрена выпаливаю звенящее требование ей. И ведь совсем не стремлюсь замять – скорее наоборот, продавить.

– Это не тебе решать, – глаза Милы враждебно сверкают, ей явно сложнее даётся не срываться.

А я вдруг хочу добиться именно этого. Чтобы она сорвала с себя эту маску хорошей девочки и разозлилась. По-настоящему, так, чтобы до оголённых эмоций.

– Он мой друг и я желаю ему лучшего, – многозначительно заявляю я.

И более того, окидываю Милу пренебрежительным взгля-

дом, давая понять, что это уж точно не о ней.

А она ведь и так остыть не успевает, а потому волнами её недовольства меня чуть ли не захлёстывает. Нездорово ухмыляюсь этому. Ну давай, принцесса, взорвись. Твоя мамаша уже однажды показала мне её истинное лицо, очередь дочурки проявить себя. И наплевать даже, что и на этот раз свидетелем стану только я.

– Ваши понятия о лучшем могут не совпадать, – увы, разочаровывает меня напускным спокойствием Мила. Голос только чуть дрожит, но и то я могу выдавать желаемое за действительное.

Неожиданно понимаю, что выискивая уязвимость в сестрёнке, будто слой за слоем обнажаю свою. Странное ощущение.

Там, на глубине её чуть ли не гипнотизирующих глаз бездна какая-то. Топит. Уставляюсь, и противоестественные желания зарождаются. К Миле, чтоб её.

Смотреть. Слушать. Чувствовать. Касаться...

Хмурюсь и собственным дурацким мыслям, и её идиотскому ответу, на который почти нечем парировать. Потому что банальная суть. А что там за ней внутри, никак расковырять не могу. Хоть и кажется, что эмоции Милы как на ладони. Да и поступки, в общем-то, тоже.

Так пусть уже скажет мне это прямыми словами, чтобы я тут не страдал фигнёй и не затягивал непонятный и никому не нужный разговор.

– Зачем ты напрасилась сюда? – требовательно спрашиваю. – Подцепить кого-нибудь?

– А если да, то что с того? – почти сразу дерзко отвечает Мила. Походу, окончательно осмелела, пока я паузу держал. – Или ты ревнуешь?

Неожиданный вопрос. Наглый, мне в глаза. Ещё и с насмешливыми нотками.

Ещё более неожиданно, что он на какое-то время аж вышибает дух, воспринимаясь, как пощёчина. Безусловно, это только потому что Мила охренела слишком, не ожидал, что у неё самомнение настолько зашкаливает. Совсем папаша избаловал принцессу.

Но я ей это спускать уж точно не собираюсь. Снисходительно ухмыляюсь и слегка подаюсь вперёд, как вдруг слышу, как к нам подбегают.

Разворачиваюсь и вижу запыхавшегося Лёшу, который, судя по виду, чуть ли не все залы обегать успел.

– Фух, вот вы где... – прерывисто говорит он, толком не отдышавшись. – Там это... Ваш папа, Макс.

Если самоуверенное заявление Милы было для меня пощёчиной, то слова друга – ударом. Самым настоящим, под дых. А потом ещё размашистым мне в лицо, чтобы очнуться не успел, становится его взгляд. Лёша смотрит потерянно и с сочувствием.

Ненавижу, когда на меня смотрят так.

– Что он? – мало сознавая реальность, с нажимом спра-

шиваю.

– Скорую вызвали.

Ошалело моргаю, как-то медленно до меня доходит, что вообще происходит. А вот до Милы, кажется, быстрее. Она мгновенно подпрыгивает с места.

– Где он? – паника и решительность в её голосе, наконец, выводят меня из оцепенения.

Бросаю быстрый взгляд на Милу и вижу мертвенную бледность на лице. И страх, хотя нам ещё ничего ужасного не сообщили.

– Пойдёмте... – вздыхает Лёша.

Глава 4. Макс

– Он ведь показывал мне свои анализы... – ноет Мила Лёше, пока мы все трое едем на папиной машине за скорой. Я за рулём, а потому максимально сосредоточен на дороге, но всё равно за каким-то хреном всё слышу. – Буквально вчера. Я не поверила, что всё так радужно, вот он и показал. Неужели подделал?

Она знала. Всё это время Мила знала, что у отца неизлечимый рак. И никто даже слова мне не сказал. Эта новость разом обрушилась на меня именно сейчас, всей своей тяжестью, придавив так, что физически чувствую.

Бросаю взгляд на Милу через зеркало. Она выглядит потерянной. Нервно теребит бретельки платья, без конца поджимает слегка подрагивающие губы. Сразу отворачивается, когда наши взгляды на короткий миг встречаются. Такой уязвимой я сестрёнку ещё не видел. Даже слегка подмывает сказать что-то ободряющее, но у меня и для себя сейчас таких слов нет. А для неё пусть Лёша ищет.

– Может, и переделал... – он слегка запинается. – Но как так быстро бы успел и где? Скорее всего, они и были хорошими, а потом случился рецидив. Всякое бывает.

– Я не понимаю... Если он плохо себя чувствовал, зачем надо было устраивать эту вечеринку? – не прекращается истерика Милы. – Рисковать собственной жизнью! Или кто-то

потрепал ему нервы? Я ведь следила за...

За моим поведением. Хотя и сестрёнка осекается, не договорив фразу и вспомнив, что я тут, но продолжение слишком явно. Висит между нами в воздухе звенящей тишиной.

Даже ухмыляться этому не тянет. Хотя будет забавно, если Мила начнёт обвинять в ухудшении состояния отца меня – типа моя же вечеринка, просил я её или нет.

– С этой болезнью ничего никогда не угадаешь, – отдувается Лёша. – Вряд ли там нужен какой-то триггер. Я, конечно, не медик, но если такая хрень сидит в организме, то хоть не живи вообще и дыши осторожно, она о себе даст знать.

Оптимистично. Так себе утешение, конечно. Вообще всё это – какой-то сюр. Не признаю реальности и, наверное, даже не чувствую. Это будто со стороны происходит, а я лишь вою, почти не сводя взгляда со скорой.

– В последнее время казалось, что она отступает, – отчаянно всхлипывает Мила.

Она уже будто хоронит его. Да и Лёша ей вторит.

С силой ударяю по рулю. Сам без понятия, что это было и зачем, да только теперь оба напряжённо смотрят на меня.

– Водила передо мной страдает хернёй, – не оборачиваясь, бросаю я.

Хотя передо мной никого и нет. Если не считать другие ряды, а так я сразу за скорой. Но очень сомневаюсь, что Лёша с Милой на это обращают внимания, да и оба вроде не водят. Друг точно, вчера обсуждали.

– Мы ведь успеем, да? – Мила неожиданно обращается именно ко мне. Ещё и ищет в зеркале мой взгляд.

Её голос ощутимо дрожит. И обращается она так, будто я не про отвлечённую ситуацию на дороге сказал.

К горлу подступает мерзкий комок. Не смотрю на Милу.

– Главное, чтобы скорая успела, – сухо констатирую.

А в голове всплывает воспоминание, с какими судорожными движениями и обречёнными лицами отца укладывали на носилки.

Я сразу понял, что папа сдался и не хочет бороться. Увидел это в глазах, когда его проносили мимо меня. Наши взгляды встретились, и ещё никогда я не видел такого смирения на его лице. А потом услышал обречённость и в слабом голосе, которым отец просил врачей дать ему немного времени наедине с каждым из нас. В первую очередь, конечно, звал Милу. Лепетал что-то про «не успел» и «позаботься о ней, Макс».

Но врачи не были бы врачами, разделяй они его настрой. Его повезли в реанимацию. А мы трое так и остаёмся где-то в коридоре. Я зачем-то то сжимаю, то разжимаю кулаки. Ни на кого не смотрю.

Я ведь уже знаю, чем всё закончится. Меня пробирает чёткое осознание. До дрожи по телу и чувства долбанной беспомощности. Растерянно смотрю себе под ноги, а в ушах ка-

кой-то шум. То ли больничный гул, то ли ещё хрен пойми что. Может, даже похоронный марш. Мешанина, режущая мозг.

Нафига я в этот момент посмотрел на Милу? Паника в её глазах неожиданно передаётся мне леденящим страхом. Таким привычным и одновременно незнакомым, что не могу отвести взгляда от этой дуры, силясь увидеть в её глазах и что-то ещё. Что-то, за что можно уцепиться утопленнику, чтобы выбраться и вдохнуть воздуха.

И ведь нахожу. Мне всё ещё страшно, а в голове бьётся безумной птицей отчаянная и странная надежда. Надежда, что мне показалась та отцовская обречённость. Что скоро выйдут врачи и скажут, что худшее позади и скоро восстановление.

Я ведь даже не знаю, люблю ли вообще отца. Четыре года мне было наплевать, что мы почти не общаемся. Наоборот, так казалось лучше. Свободнее.

Но он всегда знал, как выбить меня из равновесия. Даже сейчас нашёл возможность. Какого хрена творится? Я не успею с ним поговорить и понять, что у него вообще на уме. Отец офигенно скрывал свои чувства по жизни. Проявлял он их, пожалуй, только к погибшей жене – не к моей матери, а ко второй. К Милиной. А потом и к дочурке.

Время тянется неясным сумбуром. Улавливаю, что проходит, лишь когда до меня доходят обрывки разговоров Лёши с Милой. Он всячески старается её отвлечь. Иногда об-

ращался ко мне – я не реагировал, вот друг и забил. Но судя по уже почти спокойному обсуждению будущих экзаменов Милы, проходит довольно приличное количество времени.

А потом воцаряется тишина. Зловещая и напряжённая.

Слегка прищурившись, смотрю в дальний угол коридора. Отца везут в патологоанатомическое отделение. Я понимаю это ещё даже до того, как слышу из разговоров медиков. Зрелище безжизненно тела, закрытого от нас, бьёт по мозгам, но не смотреть не получается. Просто невозможно. Я, наверное, даже не моргаю.

Надежда подыхает – меня выплёвывает в реальность. В липкую, тошнотворную реальность, где отец мёртв. Где остались лишь мы с Милой, которая ни хрена мне не сказала. Не подготовила даже, не набрала за четыре года или не черкнула долбанные пару строчек в соцсетях. Не дала мне возможность исправить... Сам не знаю, что. Хоть что-то. Хотя бы попытаться.

А теперь поздно. Пол резко уходит из-под ног, меня шатает, а в голове громко и неприятно щёлкает.

К нам уже идёт врач, чтобы сказать о смерти отца. Силуэт в белом халате размытый и нечёткий, как и весь мир вокруг. У меня перед глазами уже пелена. Кстати, алая. А страх и беспомощность, перемешавшись, неожиданно трансформируются в злость. Волна ярости поднимается, затопляя душу.

Так начинается жизнь без отца.

Глава 5. Макс

Лёша и его родители почти полностью организуют похороны за нас, пока мы с Милой никак не приходим в себя. Каждый по-своему.

Не знаю, по какой причине друг так старается – из-за меня или из-за явно симпатичной ему девчонки, но в целом пофигу. Главное, что это действительно своевременно. Всё моё участие лишь в том, что я просто даю деньги, да и те кто-то ещё и собрал. Народ тоже позвали и оповестили за нас. В итоге вот, уже через четыре дня, всё готово к похоронам.

Я прихожу раньше. За несколько минут. В церкви, где отец уже отпет и готов, почти никого. Вроде так и должно быть – скоро основная движуха, и у меня есть несколько минут наедине с трупом. Сам не знаю, зафига они понадобились.

Пройдя в зал, обречённо усмехаюсь – что ж, мог бы и предугадать, что от Милы некуда деться. Она словно приклеилась к моему отцу. Что в жизни, что даже сейчас, после смерти.

Стоит там над гробом и вздыхает. Бесит своим скорбным видом и тем, что вот-вот и меня здесь застанет. Возникает долбанное ощущение, будто я тут неуместен. Я. Родной сын. А не она, посторонняя девушка.

– Как трогательно, – саркастично ухмыляюсь, одновре-

менно подходя ближе. — Ты ни на минуту не можешь его оставить.

Мила вздрагивает, бросив на меня взгляд. Растерянно захлопав ресницами, поджимает губы.

— Это тяжело...

Звучит искренне. Насмешку в моём голосе либо не замечают, либо предпочитают игнорировать.

— У тебя было время подготовиться, — стараюсь говорить это невозмутимо, но и сам слышу, как мой голос звенит от напряжения, тихой злости и надрыва.

Мила снова смотрит на меня. На этот раз дольше, внимательнее и, чёрт возьми, с сочувствием. Тут же жалею, что дал ей понять, как меня задело быть в неведении. Пошла нахрен с этой своей жалостью.

И почему я ещё здесь? Так уж мне нужны эти несколько минут наедине с гробом? А если внезапно да, то почему бы не прогнать отсюда Милу?

— Я надеялась на лучшее, — помедлив, она продолжает говорить со мной так, будто я нуждаюсь в утешении. — И он, наверное, тоже. Иначе бы рассказал тебе.

Мила серьёзно думает, что я ей поверю? Или что я не в состоянии допереть до правды сам? Каждое это её слово и взгляд дербанят будто ножом по открытой ране.

— Мы оба знаем, что это неправда, — мрачно сообщаю я, не понимая, зачем вообще веду этот диалог.

Можно подумать, Мила резко заткнётся и перестанет, ес-

ли я дам понять нелепость её попыток.

Она всё это время почти не отводит от меня взгляд. А я зачем-то плююсь на гроб, хотя взгляд будто размыт.

– Всё возможно, – тихо признаёт Мила, и едва я кривлю губы в усмешке «так и знал», поспешно добавляет: – Но думаю, лишь потому, что не хотел тебя волновать.

Набираю в грудь побольше воздуха. Мила реально такая наивная простота, чтобы искренне в это верит? Или просто долбанная лицемерка, как её мамаша?

– Это вопрос не волнения, а степени близости, которой у нас не было вообще, – я правда не понимаю, зачем с ней спорю. Оно мне нафиг не надо. Вроде бы.

А тут вдобавок и дурацкий ком в горле появляется. Я ведь впервые озвучиваю эту правду. Да ещё кому? Миле, чтоб меня.

Она молчит, только дышит как-то сорвано и вроде ближе становится, а я так и не смотрю на неё. А потом вдруг чувствую руку на своём плече – нежную и мягкую, которая ещё к тому же поглаживает слегка. Неуверенно и осторожно, но чуть ли не с теплом.

Резко впиваюсь взглядом во вконец обнаглевшую девчонку, возомнившую себя дофига утешительницей. Её рука тут же подрагивает, замерев на моём плече, а потом всё-таки исчезает, оставив после себя странную пустоту.

– Позволь не согласиться, – на этот раз Мила говорит более отчуждённо и даже робко. Но отчего-то от этого будто

становится только хуже. — Вы похожи гораздо больше, чем думаете. Оба гордые, своевольные и сильные, каждый привык справляться со слабостями в одиночку. Это и ломает тоже.

Воу, сколько характеристик в мою сторону. Даже не знал, что навязанная сестрёнка таким меня видит. Или несёт первую попавшуюся чушь, чтобы типа разрядить обстановку? Смотрит в мои глаза, пытается найти подтверждение своим словам, на что я лишь усмехаюсь.

Но она упорно продолжает:

— Папа гордился тобой. Он хранил все твои кубки по футболу, все медали с разных соревнований, грамоты... Заходил на сайт твоего универа, просматривал новости. Почти постоянно. Не проходило ни дня, чтобы он не упоминал тебя.

Слегка подвисяю с таких уверенных заявлений. Мила врёт? Дербанит мне душу, добиваясь каких-то своих целей? У меня нет ни одной причины верить этой девке, в то время как у неё более чем хватает причин входить ко мне в доверие. Насколько я понял, отец не успел включить её в наследство, хотя собирался.

Впиваюсь пальцами в крышку гроба, стараясь выровнять дыхание, потому что долбанные слова Милы снова и снова прокручиваются в голове. Лезут куда-то в сознание и отказываются оставить в покое. Их даже не останавливает то, что за все четыре года мы с отцом взаимно не предпринимали попыток восстановить контакт.

Бросаю на неё очередной взгляд. Девчонка смотрит слегка пугливо, но в то же время будто с надеждой и даже любопытством. Так ли она наивна, чтобы верить, будто если расскажет мне про офигеть какую любовь отца ко мне; то я резко воспылаю желанием одарить её всем, что ей щедро сыпалось при его жизни?

Мила не отводит взгляд. А в её глазах проявляется дерба-нящая меня горечь. Какого хрена эти её тоска и безнадёга на лице уже не в первый раз отражаются на мне?..

– К чему это всё? – с нажимом выпаливаю.

Она вздыхает. Опускает взгляд, сглатывает, словно искренне проникается моим состоянием, которое вроде как вообще чувствоваться не должно. Уверен, что стороны я сама невозмутимость. Так какого хрена Мила смотрит на меня так, будто чуть ли не в слезах перед ней стою?

– Он любил тебя больше, чем ты думаешь, – её голос чуть дрожит. – Просто не умел это выразить. Как и ты.

Грудную клетку сдавливают так, что дышать становится невозможно. Быстро хватаю воздух ртом.

Хватит. Это уже чересчур.

Какого хрена Мила продолжает говорить со мной так, будто мы и вправду типа одна семья были? Словно она знает нас обоих достаточно, чтобы лезть не в своё дело? Типа имеет право. Вообще никаких сомнений у неё в этом. Либо это наивные розовые очки, либо и вправду жестокая игра, либо просто да пошла бы она нафиг.

– Меня тошнит от твоих попыток всё упрощать, – выталикиваю из себя наконец. – Кто ты такая вообще? С чего взяла, что я нуждаюсь в своём сочувствии?

Мила слегка пятится в сторону. И наконец я вижу в её глазах знакомую настороженность с примесью враждебности.

– Я оставляю вас наедине, – сдавленно проговаривает она, и, не дожидаясь больше ответа, выходит из церкви.

Глава 6. Мила

Не знаю, как я справилась бы без Лёши. Он заходил к нам на протяжении месяца почти каждый день. Благодаря ему я сдавала экзамены, правда, только ЕГЭ, без вступительных в отдельном универе. Потому что передумала поступать в Саратов – я хотела оставаться в городе только из-за папы, а теперь смысла не было. Тем более что-то мне подсказывало, что меня совсем скоро выселят из этой квартиры. Я тут держалась исключительно потому, что Максу пока было не до меня.

Он, конечно, никогда не признает, но явно переживал смерть отца куда более глубоко, чем я могла себе представить. Поначалу меня даже снова подмывало как-то достучаться до хмурого братца, потому что папа ведь стремился перед смертью наладить с ним контакт. И я своеобразно чувствовала своей обязанностью сделать это за него.

Но думать об этом куда легче, чем воплощать. Макс игнорировал моё присутствие, да и по минимуму бывал дома. Частенько возвращался в ссадинах и синяках, потрёпанным. Явно дрался. Пару раз приходил пьяным. И каждый раз – враждебным. Сталкиваясь с его взглядом, я понимала – не подступишься. Да и желание делать это, пусть даже ради папы, ошутимо таяло.

Хорошо, что со мной был Лёша. И приходил главным об-

разом из-за меня – это было очевидно не только потому, что Макс почти не появлялся дома, но и по тому, как его друг себя вёл. Его поддержка и участие чувствовались во всём. Он даже к ЕГЭ помогал готовиться, рассказывал о своём опыте и вообще всячески старался меня подбодрить.

Первое время, конечно, делал вид, что в первую очередь приходил, как друг Макса. Но это было довольно нелепо, ведь вечное отсутствие моего сводного брата явно говорило о том, что он ни в ком не нуждался. Да и Лёша скоро перестал смущаться и делать вид, что не ко мне приходит.

А сегодня мы сидим за ноутбуком и подбираем универы на основе сданных мной экзаменов. Результаты хорошие, но не сказать, чтобы прям отличные. Поэтому выбирать приходится тщательно, ища не только варианты с большими шансами, но и с общагой для иногородних.

Я открываю очередной вариант с неплохим количеством бюджетных мест, когда вдруг Лёша как-то надрывно заявляет:

– Я не хочу быть эгоистом, но мне грустно, что ты скоро уедешь.

Смотрю на него и вижу, что парень взволнован. Это были не просто слова – это признание. Его прорывает. Он скользит чуть ли не отчаянным взглядом по моему лицу, и у меня спирает дыхание.

Это ведь мой первый настолько личный момент с парнем. И я даже не знаю, как реагировать... Ведь до этого момента

и не думала, что уехав из Саратова, своеобразно расстанусь с Лёшей, толком не сойдясь. И теперь это осознание обрушивается сожалением.

– А ты работаешь здесь? – спрашиваю первое, что приходит в голову, лишь бы заполнить паузу. Но голос не слышится, звучит совсем непривычно, ломано.

Лёша почти не отрывает взгляда с моего лица. Ищуще заглядывает в глаза.

– Да, – негромко говорит он. А потом, вздохнув, осторожно добавляет: – Но думаю к концу лета уволиться. В Москве, конечно, не получится сразу устроиться и с квартирой определиться, но думаю попросить Макса на некоторое время побыть у него, пока встану на ноги. Он вроде бы снимает там квартиру, поэтому ему будет даже выгоднее, если будем делать это на двоих, а там найду нормальную работу.

Звучит так, будто Лёша это уже неоднократно обдумывал. И от этого как-то теплее на душе, но в то же время и волнующе. Он готов даже отказаться от работы здесь?

Я, конечно, не знаю, какая она, но это довольно широкий жест... Вот только отговаривать от него Лёшу не тянет. Тем более он явно уже принял решение.

– Хорошие планы, – мягко говорю.

Конечно, я уловила, что построены они из-за меня, и он наверняка это видит. Но всё равно не решаюсь упомянуть этот момент. Зато решается Лёша:

– Да, но только они бессмысленны, если ты в итоге посту-

пишь в Питер.

Хорошо, что я сижу, потому что так и чувствую, как подкашиваются ноги. Взгляд Лёши меняется, в нём больше нет робости, лишь решимость. Причем приправленная чем-то таким искренним и нежным, что я не сразу обретаю дар речи.

– Я в основном подаю документы в Москву, – наконец говорю, не отводя от него взгляда.

А сердце ускоряет темп, потому что Лёша придвигается ближе.

– Это хорошо, – с улыбкой заявляет он. – Потому что я не готов с тобой расставаться.

Прямее уже некуда. К тому же, с этими словами Лёша недвусмысленно опускает взгляд на мои губы... И дыхание сбивается. Кажется, у обоих.

Я никогда раньше не целовалась. В школе были попытки со стороны одноклассников, но они меня не привлекали. Поэтому я пресекала. Но сейчас у меня нет ни желания отстраниться, ни волнения перед таким личным моментом. Я не отодвигаюсь. Это же Лёша... Ему можно доверять.

– Мне тоже с тобой хорошо, – тихо проговариваю я, потому что он так и замирает совсем близко, не делая никаких движений и, видимо, ожидая знака или слов.

И сказанного Лёше хватает, чтобы одним решительным движением окончательно сократить между нами расстояние. Закрываю глаза, чувствуя его губы на моих. Внимаю каждому действию, чувствую, стремясь раствориться.

Он запускает пальцы мне в волосы, напористо сминая губы. Действует скорее жадно, чем осторожно, что слегка сбивает с толку. Но ведь Лёша не знает, что у меня это первый полноценный поцелуй, и даже в какой-то степени приятны его нетерпеливые действия. Будто парень только того и ждал, причём, судя по всему, уже давно.

Горячий язык проходится по моей верхней губе, затем по нижней, пытается проникнуть в рот... Осторожно разжимаю губы, впуская. Довольно влажно, непривычно, немного даже щекотно.

Но при этом хочется, чтобы Лёше нравилось. Робко шевелю губами, ответно касаюсь его языка. Обнимаю его за шею, не в силах поверить, что всё это вправду происходит со мной. Мы всё ближе... Я почти сижу у него на коленях.

Его свободная рука блуждает по моему телу, глядя, сжимая, поддерживая. Лёша увлечённо углубляет проникновение языка, да и вообще явно распаляется. Я даже слегка волнуясь – мы тут всё-таки одни... Вдруг он думает, что у меня опыт уже есть. Вряд ли замечает его отсутствие даже в поцелуях.

Где-то словно в другой реальности вдруг слышится громкий звук. Почти оглушающий хлопок дверью... Вроде бы входной. Но всё это я подмечаю скорее глубоко в подсознании, вяло, почти не реагируя.

Лёша тоже не особо отвлекается на этот звук. Разве что, слегка расслабляет пальцы у меня в волосах, сжимает их бо-

лее мягко. И поцелуй переходит из ненасытного в более медленный, плавный, нежный. Правда, я уже отвечаю скорее по инерции – в сознание всё настойчивее пробивается тот хлопок, и пусть его уже не слышно.

Наконец Лёша прерывает поцелуй и чуть отстраняется, но не выпускает меня из объятий. Сглатываю, глядя в его затуманенные глаза. Не знаю, что теперь говорить или делать. Да и мысли совсем другие в голову лезут, с поцелуем не связанные.

Макс что, был здесь? Пришёл и сразу ушёл? Почему так резко?

– Видимо, нас застукали, – как-то странно усмехается Лёша, видимо, тоже держа в уме тот звук.

Зачем-то опускаю взгляд.

– Да уж... – только и выдавливаю, вспомнив хмурого братца, который в последнее время всё более давяще на меня смотрит.

Ничего такого же не случилось? Ну подумаешь, увидел. К этому всё изначально шло, и Макс должен был догадаться. Раз не препятствовал нашим встречам после смерти папы, то, наверное, забыл уже те свои слова в клубе.

– У тебя будут проблемы? – заботливо спрашивает Лёша.

У меня что, на лице это написано? Мотаю головой и даже ухмыляюсь.

– С чего бы, – пожимаю плечами.

Хочу добавить, что никакой мне Макс не старший брат,

чтобы бдеть за моей целомудренностью. Но вдруг не решаюсь. Может, Лёша и не в курсе, что у нас с его другом нет родства?

С этой мыслью в голову неожиданно приходит понимание, что, поступив в Москву; я, получается, снова буду в одном городе с Максом. Да ещё если у Лёши получится с его планом – то и видеться мне со сводным братцем периодически придётся.

Да уж... Наверное, всё-таки стоит предпринять ещё одну попытку найти общий язык.

Глава 7. Мила

Мы с Лёшей целовались ещё несколько раз, с каждым всё привычнее. Но я всё никак не могла отвлечься от осознания, что Макс нас видел, да и моменты были уже не те. В общем, в итоге мы распрощались. Договорились, что увидимся завтра.

И чтобы больше не было странной неловкости и непонятного раздрая, я решила, что постараюсь помириться с Максом именно сегодня. Любой ценой. Буду с ним максимально откровенна, постараюсь вывести на искренность и его. Всё-таки я не верю, что он настолько циничен и холоден, как иногда кажется. Ведь вижу – он чувствует.

Чуть ли не волнуясь, жду Макса. Хожу по комнате, подбираю слова, с которыми его встречу. Готовлюсь, что опять столкнусь с враждебным взглядом, призываю себя к терпению.

В итоге приближается ночь. Всё это время я почти постоянно пребывала в мыслях, лишь изредка отвлекаясь на поесть или на подбор заработка для студентов. Всё-таки я буду вообще без финансовой поддержки в Москве. На одну только стипендию рассчитывать даже смешно, не та она.

На Макса уж тем более... По законам всё папино наследство принадлежит именно его сыну. Я знаю, что папа хотел исправить это и даже начинал делать шаги в эту сторону, но не успел.

Впервые не сплю аж до трёх ночи. Но никак не могу отбросить мысль поговорить с Максом именно сегодня или перестать его ждать. Вероятность, что он может даже и не вернуться ночевать, конечно, бьётся в сознании, но не заполняет его. Ведь мой сводный братец неоднократно возвращался чуть ли не под утро. Потому пока жду. Не хочу и не могу смириться с возможностью отложить разговор.

И всё-таки моё ожидание себя оправдывает. Макс и вправду возвращается. Проходит сразу в ванную, а я так и замираю, вслушиваясь в его шаги и действия. С ним всё в порядке?..

Неожиданно, но внутри поселяется тянущее чувство волнения. Почему Макс сразу в ванную пошёл? Приводит себя в порядок после очередной драки? Пострадал?

А ведь я не решилась выйти ему навстречу, когда услышала звук входной двери...

Не понимая собственной тревоги, я не выдерживаю и дохожу до ванной. Стою там напротив двери, думая постучаться и спросить. Но резко одёргиваю свой порыв – от Макса никогда не угадаешь, чего ждать. Ещё откроет мне дверь голым...

Жар приливает к коже от этих мыслей, и я неожиданно вспоминаю, как сводный братец смотрел на меня в клубе, прижимая к стенке.

Дверь ванной открывается неожиданно – в тот момент, когда я уже близка к тому, чтобы трусливо сбежать. Не уве-

рена, что мне нужны разговоры. Может, пусть Макс с Лёшей сами там решают, что и как делать с квартирой в Москве, а я просто уеду в общагу?

В любом случае, метаться поздно. Макс уже видит меня и не уходит. Смеряет странным взглядом – ещё более странным, чем обычно. У меня даже сердце пропускает удар при виде этого нового, загадочно глубокого блеска в его глазах. В сочетании с привычной жёсткостью, направленной ко мне, это тревожит вдвойне.

Как и то, что мы тут стоим друг напротив друга, а на нём только полотенце. Кстати, ран на его теле никаких нет, как я успеваю заметить...

– Знаешь, я всегда считала несправедливым то, как папа выделял меня и как обращался с тобой, – не найдя ничего лучше, резко выпаливаю я давно заготовленную речь. – В глубине души мне хотелось это исправить, но я не решалась. И да, мне нравилось его внимание, хоть и было неловко за это перед тобой. Наверное, так я восполняла отцовскую любовь, потому что родной отец бросил нас с мамой ещё до моего рождения.

В ожиданиях я должна была достучаться до Макса, изливая собственные переживания – да только в реальности я протараторила всё это скорее нервно, чем с чувством. Так что прекрасно понимаю брата, который озадаченно приподнимает брови. А потом кривится.

– Очередной душещипательный разговор?

Несмотря на резкость его слов, вопрос задан почти мягко. Непривычно. Но подсознательно чувствую, что именно сейчас можно продавить барьеры.

– Очередная попытка, – примирительно усмехаюсь, но Макс сохраняет серьёзность. Тогда, вздохнув, решаю перейти к одной из самых сложных, но, наверное, необходимых тем: – Мы с папой обсуждали тот твой скандал с мамой. Я хочу сказать, что несмотря ни на что, понимаю, что всё было неоднозначно.

Макс пристально смотрит мне в глаза, отчего по коже разносится жар, а сердце ускоряет темп.

– Я пойду в свою комнату, – неожиданно заявляет братец. – Хочешь говорить – давай со мной.

Ого... Я думала, он в очередной раз меня пошлёт, прямым текстом или ещё как. А тут получается, готов выслушать?

– Хорошо, – поспешно говорю, когда он уже начинает идти.

Семеню следом, мысленно убеждая себя, что всё дело в моём намёке на тот скандал и в готовности рассказать об этом. А вовсе не в неопределённом и интуитивно изменившемся настрое Макса, с каким пришёл.

Мы резко останавливаемся у порога его комнаты. Братец разворачивается ко мне и многозначительно ухмыляется, берясь за край своего полотенца.

Я тут же вспыхиваю. Да он же почти голый! Как можно было настолько погрузиться в попытки достучаться, чтобы

об этом забыть?..

– Захвати что-нибудь из кухни, – с насмешливой снисходительностью предлагает Макс, в итоге только поправив на себе полотенце.

Я тут же спешу воспользоваться его предложением, очевидно сделанным только ради того, чтобы одеться в моё отсутствие. Чувствую себя идиоткой. Могла бы и сама притормозить и подождать, пока оденется... Или сказать ему об этом, а не почти уже зайти в комнату к полуголому парню, который мне даже не брат.

Мысль про «не брата» почему-то заставляет руки чуть дрожать, когда я открываю холодильник.

– Что взять? – кричу Макс, чтобы перебить неуместную нервозность. – Тут есть фрукты, шоколадки, сыр. Ну мясо тоже есть, но сейчас ночь, и я не уверена.

– Пофиг, тащи фрукты, – откликается братец.

Беру их, облизнув пересохшие губы. Ну вот и лишнее подтверждение от Макса, что меня сюда отправили только чтобы одеться нормально.

– Хорошо, – отвечаю ему, не зная, как спросить, а можно ли уже возвращаться. – Чай делать?

Квартира небольшая, три комнаты. Макс в средней. Но, готова поклясться, я слышу его смешок.

– Не надо, сюда иди давай, – отвечают мне вроде как серьёзно.

Но я слегка задерживаюсь, пока мою фрукты. Неспешно,

стараясь настроиться и забыть тот сильный хлопок дверью, неоднозначные взгляды Макса и его выбивающее меня сегодня поведение. Хотя, разве до этого было проще? Даже пока он учился в школе и мы жили вместе, я так и не успела к нему привыкнуть. Не говоря уж о том, чтобы подружиться.

Макс меня не торопит, больше не зовёт. Но я и сама прекрасно понимаю, что тянуть не стоит. Во-первых, зачем показывать свою трусость? Напросилась на разговор и сбежала. А во-вторых, с братца станется в таком случае просто забить и лечь спать. А завтра я не факт, что решусь с ним поговорить.

Захватываю с собой парочку тарелок помимо общей большой, куда фрукты положила.

– Вот, остались абрикосы, черешня и виноград, – с порога комнаты говорю я, удовлетворённо заметив, что Макс полностью одет. Сверху тоже футболка, а не голый торс.

– Сойдёт, – спокойно отвечает братец. И даже подходит ко мне, чтобы помочь забрать тарелки, а то правда неудобно всё это держу.

Непонятно замираю, почувствовав мимолётное прикосновение тёплых пальцев к моим и лёгкий запах какого-то алкоголя.

Макс совсем не выглядит пьяным. Впрочем, мне могли и показаться те едва уловимые нотки – он быстрым движением тарелки забрал и теперь кладёт их на прикроватный столик. Ещё немного помявшись, я всё-таки тоже подхожу и кладу

туда общую тарелку посередине.

Откуда это дурацкое смущение?..

Стараюсь не выдавать своего состояния. Сажусь рядом с Максом – получается, что на его кровать. Кстати, она застелена. А я почему-то думала, что братец не заморачивается с такими делами...

Не о том мои мысли. Прокашлявшись, сразу перехожу к главному:

– В общем, папа рассказал мне про свои отношения с моей мамой. Тот телефонный разговор, который ты случайно услышал... – вздыхаю, выдерживаю паузу. Не так уж просто рассказывать о таких вещах враждебному Максусу. Ведь речь о моей маме. И признаться придётся в том, что он наверняка в штыки воспримет, а ведь и без того её не жаловал. – Ты всё правильно понял. Она действительно обсуждала, что закроет все долги, как только выйдет замуж и да, возможно, давала кому-то понять, что вышла ради этого.

До невозможности неловко рассказывать об этом Максусу, но я просто должна. Он имеет право знать.

Его внимательный взгляд выдаёт равнодушие и интерес. А значит, нельзя сдаваться, как бы ни было сложно.

– Если до него этого дошло, почему крайним остался я? – озадаченно спрашивает Макс.

Кажется, он слегка ошеломлён. Видимо, был уверен, что всё это время ему никто не верил.

Неловко переставляю ноги и тянусь за виноградиной.

Несправедливо, конечно, получилось тогда с ним... Макс ведь ещё ребёнком был, искренне верящим, что уберегает папу от ошибок. А в ответ получил чуть ли не презрение, обернувшееся отчуждением и строгостью после смерти моей мамы.

— Потому что он знал это с самого начала, — осторожно признаюсь, бросив на него взгляд. Макс напряжён, но с виду почти невозмутим. — И сам предложил ей брак по расчёту. Ну, с её стороны... С его там была любовь.

Макс молчит. Удивлён? Считает поступок отца унижительным? А моей матери — продажным?

М-да, даже не думала, что будет настолько сложно рассказывать это всё не столько из-за образа моей мамы в глазах брата, сколько из-за его чувств, которых он и не проявляет. Вот уж внезапно так внезапно. Но я реально мысленно чуть ли не взвешиваю каждое будущее слово, понимая, как эта ситуация может выглядеть в его глазах. Да и какова она на самом деле...

Папа не просто любил мою маму, он слишком сильно её любил. До умопомрачения. Настолько, что часто был несправедлив из-за этого к другим, и не замечал того. Одно слово против неё, одно её грустное выражение лица — и он готов был рвать любого.

А после её смерти его любовь обрушилась на меня, ведь только я могла помочь ему справиться с душераздирающей тоской. Макса за всем этим будто и не было.

– Папа любил мою маму всегда, и женился на твоей назло, – до последнего сомневалась, рассказывать ли их предысторию, но особых вариантов нет. Макс ведь знает, что наши мамы были подругами. – Потому что моя никак не отвечала ему взаимностью, а твоя была её подругой, которой понравился наш папа.

– Наш, – не глядя на меня, колюче повторяет Макс.

Знакомые нотки враждебности в его насмешливом голосе на этот раз не сбивают меня. Этого стоило ждать – я тут не самые простые темы поднимаю, да ещё и о его маме говорю. Можно сказать, долблю Макса электрошоком не переставая.

– Я считаю его своим папой, – мягко поясняю. – Понимаю, что тебе это не нравится, но этого не отнять.

Хочу спросить, что он чувствует, верит ли мне, почему почти не реагирует и даже не прикасается к фруктам. Но не решаюсь. Вместо этого, сглотнув, продолжаю:

– Он искренне старался забыть мою маму и быть счастливым с твоей, и вроде даже получалось, а потом она умерла и на её похоронах он снова встретил мою маму. При этом из уважения к твоей долго старался держаться, но в итоге через несколько месяцев они снова начали общаться, а потом и пошла эта тема с долгами и с браком... – прикусываю губу, чуть медлю, прежде чем выдать реальность как она есть: – Мы с мамой действительно не блистали финансами, биологический отец бросил её совсем молоденькой и ни с чем.

Мне и хочется оправдать и мою маму, и его папу, как-то

сгладить всё – но как это сделать, когда Макс упорно хранит молчание? Я даже не знаю, что он по поводу всего этого думает.

– В общем, моя мама очень стеснялась того, как всё получилось, потому папа тщательно скрывал причины их брака. И тот скандал рушил эти планы, потому тебя и не хотели слушать.

Это, конечно, не оправдывает, почему папа не поговорил с сыном потом наедине. Если не в те же дни, то хотя бы после смерти мамы. Более того, отец неосознанно вешал на Макса бремя вины своим отношением. Я всё это знаю, но не представляю, как выразить и надо ли.

Молчание Макса начинает напрягать. Ковыряет что-то внутри.

– Папа умер, и я понимаю, что тебе не хватает...

– Мне не хватает объятий, – резко перебивает он.

Оторопело уставляюсь на него, не вполне уверенная, что правильно услышала. Вот уж внезапно так внезапно. Да ещё таким тоном. Это Макс издевается так? Насмехается над моей участливостью?

Самое странное, что он кажется серьёзным. Наши взгляды встречаются, и теперь мне приходится сдерживать дрожь по телу. Выходит отстойно, потому что вдобавок ко всему я ещё и громко сглатываю.

– Что? – сипло выдавливаю.

– Обнимашек, – вкрадчиво уточняет Макс, но понятнее

не становится.

С другой стороны... Может, это для меня его заявление кажется ошеломительным и странным выпадом, а для него это – своеобразный способ выразить необходимость в поддержке? Я ведь правда совсем не знаю его, хоть и росли вместе. Он никогда не подпускал к себе в душу. Возможно, даже не умеет.

А я тут ещё наговорила столько...

– Ты серьёзно? – решаюсь уточнить. А от одной мысли о том, что мы можем обняться, покалывает в кончиках пальцев. Странно, но я даже на первый в своей жизни поцелуй с Лёшей куда проще пошла.

– Ну мы же серьёзно разговариваем, – хмуро откликается Макс.

Почти отчуждённо опять. И я вдруг понимаю, что сейчас этого не вынесу – не после всего сказанного. Может, ко мне тут шаг навстречу сделали, какой уж смогли – а я на попятную?..

– Ладно, – неловко улыбаюсь, а потом неуклюже к нему тянусь.

Мы всё ещё сидим на кровати, хоть и довольно рядом, а потому обнимать его приходится так. И готова поклясться, я не дышу в момент, когда мои руки осторожно обвивают его плечи, неуверенно скользя за шею. Ощущение, что я на пороховой бочке. И сердце почему-то заходиться начинает. Но пропускает удар в момент, когда руки Макса смыкаются

вокруг моей талии и притягивают меня ближе.

Горячее дыхание братца вмиг обжигает мне висок, а наша близость становится настолько острой, что я чувствую буквально всё. И как неровно Макс дышит, и запах фруктового мыла после душа, и тепло крепкого тела... И то, как он, наверное, безотчётно двигает ладонями мне по спине, вызывая волну мурашек. Это не похоже на поглаживания, но подсознание предательски воспринимает его прикосновения так. Потому что ещё никогда меня не тревожили обычные объятия. Хотя обычные ли?..

Крепкие, неожиданные чувственные и чуть ли не запретные по ощущениям. А ещё долгие... Наверное. Я ведь теряю счёт времени. Рассудок мутнеет, и сердце странно сжимается от одного лишь факта, что меня трогает Макс, а я позволяю. И в ответ обнимаю. Не решаюсь отпустить. Или не могу?..

Может, хотя бы что-то сказать тогда? Развеять это непонятное обволакивающее состояние? Я не чувствую боли Макса в этих объятиях. Не похоже, что они про поддержку. Но ведь речь была об этом?

Решаюсь заговорить неожиданно дрожащим голосом:

– Мне очень жаль, что...

– Заткнись, – резко перебивает Макс, но, несмотря на смысл слова, оно не звучит грубо.

Будто бы даже наоборот... С лёгким надрывом и мягкостью? Может, это и есть оно, начало его оттаивания? Может, ему нужны чуть более долгие объятия, чтобы раскрыться?

И неважно, как их воспринимаю я. Главное – чтобы ему было спокойнее. Поэтому я и вправду умолкаю, тоже слегка пошевелив ладонями у него за шеей. Чуть не краснею от мысли, что вот как раз это и было поглаживанием. Сердце ускоряет темп, пальцы чуть дрожат.

А потом мысли исчезают. Потому что горячее дыхание Макса уже чувствительно обдаёт мне шею, куда оно могло дотянуться только если он специально склонил голову. Но это ещё ладно – крепкие руки теперь движутся по моему телу куда более уверенно и напористо, а потом и вовсе спускаются ниже, обхватывая попу.

Глава 8. Макс

Я долго ждал, когда меня уже отпустит по поводу смерти отца. Целый месяц убегал от непрошенных мыслей, глуша чёртов надрыв то в спортзале, то в драках, то в алкоголе, то в беспорядочных связях с девушками, чьё имя по большей части даже и не запоминал. Если вообще узнавал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.